

A detailed illustration of a young woman with long, flowing purple hair, seen from behind, standing in a large, ornate stone archway. She is wearing a dark, intricately detailed dress with a long purple cape and carrying a small, round, patterned bag. The archway is set into a dark, gothic-style stone wall with small, glowing lanterns. The light from the archway reveals a bright, ethereal landscape with tall, slender trees and a soft, hazy light. The overall mood is mysterious and magical.

НАТАЛЬЯ
КАЛИНИНА

КОД
ФОРТУНЫ

Чужая ноша

Наталья Калинина

Код фортуны

«Калинина Наталья»

2010

Калинина Н. Д.

Код фортуны / Н. Д. Калинина — «Калинина Наталья»,
2010 — (Чужая ноша)

ISBN 978-5-699-41073-6

Что делать, если судьба вдруг отвернулась от тебя, а неудачи слетаются со всех сторон, словно стервятники на поле боя? Почему все усилия поправить положение приводят к противоположному результату, а любимый вдруг забыл тебя? Пытаясь разобраться в этих вопросах, Инга понимает, что все это не случайно. Кто-то взломал код ее судьбы и украл ее счастье. Можно ли его вернуть?.. Вот это и предстоит выяснить ей в самые кратчайшие сроки, потому что отсчет уже начат и смерть идет по ее следам.

ISBN 978-5-699-41073-6

© Калинина Н. Д., 2010

© Калинина Наталья, 2010

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Наталья Калинина

Код фортуны

Пролог

В его кулаке была зажата удача. Краденая, но это не смущало. Главное, что везение теперь с ним.

Концерт закончился далеко за полночь: певица пользовалась такой сумасшедшей популярностью, что публика долго не хотела отпускать со сцены свою любимицу. С одной стороны, оглушительный успех подопечной радовал, но с другой – сегодня следовало завершить концерт вовремя, потому что ему нужно успеть на важную встречу. Предчувствуя, как все будет, Макар еще до выступления оговорил с певицей, что на бис она споет не более трех песен. «Поздний ужин с людьми, в которых мы заинтересованы», – так объяснил он свою просьбу. Девушка понимающе кивнула, но во время концерта совершенно забыла об уговоре и все те знаки, которые Макар посылал ей, требуя сворачивать выступление, не замечала. Она была опьянена успехом, раззадорена не меньше фанатов и, будь на то ее воля, пела бы хоть до утра.

«Я же тебя просил! Я же предупреждал!» – выговаривал ей потом в гримерке Макар. Девушка опускала ресницы, то и дело нервным отрывистым движением заводила за ухо длинную асимметричную челку и переминалась с ноги на ногу, словно школьница перед разгневанным директором. Растерянность ее выглядела смешной: вела себя певица так, будто это не она «звезда», а он, ее менеджер.

Макар боялся, что после концерта придется, как часто бывало, отвозить подопечную домой. Сегодня на это у него уже не оставалось времени. Но, к счастью, за певицей приехала на спортивном авто ее новая подруга, и девушки легкомысленно отправились кутить в клубах, а потом предаваться интимным утехам в каком-нибудь наспех снятом гостиничном номере. Макар не понимал странного пристрастия певицы к казенным комнатам, в то время как она имела собственную квартиру, да и любовницы ее были девушками с достатком. Его беспокоило и злило такое пренебрежительное отношение к безопасности: не с ее популярностью так светиться. Впрочем, нетрадиционная сексуальная ориентация певицы уже ни для кого не была секретом, более того, часть пиара на этом и строилась. Но кто может дать гарантии, что девушек не подстерегут безумные фанаты или какой-нибудь борец за нравственность с расшатанной психикой? Но подопечная легкомысленно отмахивалась от замечаний директора. Гостиничные номера для нее были чем-то вроде фетиша.

«Будь осторожна, – напутствовал он ее и в этот раз, когда девушка усаживалась в нетерпеливо порывающую машину своей подруги. – Не загуливай, завтра ты должна быть свежей как фиалка. Удачи!» Пожелание вырвалось машинально: Макар всегда желал подопечной успеха перед началом концерта, это было что-то вроде их ритуала. Но никогда не говорил подобного, когда она отправлялась в объятия развратной ночи. Почему сегодня сорвалось с языка? Видимо, потому, что совесть его была нечиста: в кулаке Макар уже сжимал ее удачу. Но сегодня фортуна куда нужней ему, чем его подопечной.

Он проводил взглядом умчавшееся в темноту авто и, резко крутанувшись на месте, почти бегом отправился в противоположную сторону.

Клуб, в котором был концерт, имел такую маленькую парковку, что на ней помещалась лишь пара машин – хозяина и главного администратора, да еще оставалось немного места для подъезда такси. Иногда перед дверями выстраивалась шеренга авто, ожидающих своей очереди. И тогда процессом высадки гостей начинал руководить шкафообразный охранник в костюме и галстук, претендующий на хорошие манеры, однако не искоренивший до конца

замашки телохранителя какого-нибудь бандюгана. Главным образом «шкаф» следил за тем, чтобы пассажиры выходили быстро и машины отправлялись без задержки, уступая место следующим.

Собственные автомобили посетители клуба оставляли в тупиковой улочке неподалеку от заведения. Чтобы попасть туда, требовалось совершить на машине внушительный крюк, а пешком – всего лишь пересечь пустырь. Клуб находился в странном и неудобном месте: далеко от центра, на окраине столицы, он терялся между застроенным многоэтажками спальным районом и пустырем. Когда поступило приглашение от этого клуба, Макар без раздумий отверг его. Рок-певица широкими шагами восходила на олимп славы и находилась уже не в том положении, чтобы принимать приглашения от сомнительных заведений с окраины. Но этим отказом он неожиданно вызвал гнев «звезды», в общем-то тихой и застенчивой, чей характер еще не успел испортиться вследствие обрушившейся на нее славы. Но в этот раз девушка устроила директору такой разнос, что темпераментности его бы позавидовала любая поднаторевшая в семейных скандалах фурия, терзающая муженька оправданными подозрениями в супружеской измене. Певица орала и скидывала со стола бумаги, которые белыми птицами разлетались по всему кабинету, а под конец обрушила на пол тяжелую бронзовую статуэтку. Оказывается, именно с этого клуба она когда-то начала свои выступления, на тот момент еще не раскрученная, не растиражированная, никому не известная, бывшая просто талантливой девочкой с пронзительными песнями и волшебным голосом. И сейчас отвергнуть приглашение не могла из сентиментальных чувств. Делать было нечего: вслед за отказом полетело опровержение и согласие на выступление.

Концерт, впрочем, прошел «на ура». Публика собралась не только местная, но пожаловала и из центра, что говорило о несомненном признании и любви, ведь ради удовольствия послушать любимицу и увидеть ее фанаты готовы были ехать в любую дыру. Никому, похоже, удаленность клуба не доставила неудобств, кроме Макара.

Проклиная эту «задницу мира», из которой выбираться нужно какими-то переулками, напоминающими петли лабиринта, он бегом бросился через пустырь. Впрочем, если сейчас с ним удача, то ему повезет не заблудиться в незнакомых улицах и прибыть в центр почти без опоздания. Он крепче сжал в кулаке маленькую подвеску, которую «одолжил» у певицы: сегодня фортуна будет улыбаться ему ярче солнца.

Недавно, пребывая в самом лучшем расположении духа оттого, что новая песня девушки опять заняла верхние строчки хит-парадов, Макар воскликнул: «Нам фартит без меры! Ты родилась под счастливой звездой!» На что певица, скромно улыбнувшись, сказала, что все ее везение заключено в подвеске. И показала талисман – маленькую серебряную пластинку в виде трапеции, прикрепленной к тонкой цепочке, что обвивала хрупкое запястье. Сказала вроде бы в шутку, но ее слова запали Макару в память. Везение ему было жизненно необходимо. Страшные люди взяли его за горло, и спасти Макара могло лишь чудо. Или фантастическая удача.

Когда сегодня он увидел на полу комнатухи, в которой переодевалась перед выступлением певица, валяющуюся серебряную пластинку, то, не колеблясь ни мгновения, поднял ее и зажал в кулаке. Нет, он не украл ее – так оправдывал Макар себя, пересекая пустырь. Лишь одолжил ненадолго. Поправит свои дела и вернет пропажу подопечной. У нее сейчас столько везения, что потеря подвески не сможет умалить его.

Макар пересек половину поля и прибавил шаг. Идти по неосвещенному пространству было жутковато. К тому же к ночи температура заметно упала, и теперь он отчаянно мерз в модной, но совершенно не приспособленной для мартовских ветров куртке из тонкой кожи. Подошвы элегантных туфель тоже пропускали холод, и создавалось впечатление, что идет он босиком. В очередной раз споткнувшись о подмерзший земляной бугор, Макар выругался сквозь зубы: так и ногу можно сломать. Не говоря уж о том, что дорогую обувь после такой «полосы препятствий» придется выбросить, потому что кожаные носы уже безнадежно сбиты.

И дернул его черт отправиться в эту дыру! Надо было настоять на своем, убедить певицу отказаться от приглашения. Но теперь чего уж... Да, туфли жалко, но пусть это будет его самая большая потеря.

Правда, еще беспокоила машина, а вернее, состояние, в котором он мог ее обнаружить. Вдруг местным несовершеннолетним вандалам пришло в голову поцарапать блестящий бок его «BMW X5»? Переулок был не менее сомнительным, чем клуб и пустырь.

До конца поля оставалось уже менее пятидесяти метров, впереди замаячили тусклые неровные пятна желтого света, падающего на улицу из окон квартир, где хозяева засиделись за полночь. Макар приободрился, крепче сжал в кулаке подвеску-трапецию и, ощутив, как грани ее впились в ладонь, улыбнулся: к черту стенания! Этой ночью разрешатся все его трудности.

Но не успел он погрузиться в приятные мечты о том, как вскоре заживет беспроblemной жизнью, как услышал чей-то властный голос:

– Стой!

От неожиданности Макар споткнулся и, падая, инстинктивно выставил перед собой руки. Едва придя в себя, он, не вставая на ноги, торопливо пошарил ладонями вокруг в поисках подвески. Куда там! Найти ее среди комьев земли, прошлогодней травы и мусора без освещения было нереально. «Вот же зараза!» – отчаянно выругался он, обыскивая землю в свете мобильного. И лишь в этот момент осознал, что находится здесь не один. Макар торопливо вскочил и оглянулся, но никого за спиной не увидел. Проклятая темнота!

– Кто здесь?!

Первое, что он предположил, – на пустыре его подкараулили по заказу тех, кому он по крупному задолжал.

– Я верну долги! Прямо сегодня, – проскулил Макар, от страха мгновенно из уверенного мужчины превращаясь в ноющее дрожащее существо.

– Меня твои долги не интересуют, – услышал он опять голос, который сложно было идентифицировать как мужской или женский. – Ты меня вообще не интересуешь.

– Кто вы?! Какого...

Договорить он не успел, потому что задохнулся от острого, разрывающего внутренности болью удара. А потом еще одного и еще. Макар упал на землю и уткнулся подбородком в мерзлый земляной ком. Последнее, что он почувствовал, – это как некто наклоняется рядом с ним, а потом, выпрямившись, беззаботно переступает через его лежащее тело и уходит.

...На следующий день в прессе и в Сети появится новость, что директор известной рок-певицы найден мертвым на пустыре. На форумах и в комментариях к новостным лентам будут еще долго, со вкусом и жадностью мусолить подробности этой смерти и, высказывая предположения о том, что могло послужить мотивом для убийства, бесстыдно вытряхнут грязное белье: громкий развод с дележом имущества и беганием от алиментов, темную историю со смертью солистки другой музыкальной группы, которой он занимался раньше. Вскроется и история с крупными долгами и страстью Макара к азартным играм. И эта версия станет главной в расследовании убийства директора.

Но хотя каждое подобное предположение имело под собой основания, ни одно из них не давало точного ответа на вопрос, кто и почему убил Макара.

Глава 1

Инга проснулась от сильного озноба. От холода у нее даже стучали зубы, несмотря на то, что спала она под толстым одеялом, форточку на ночь прикрыла да и в комнате было тепло. «Температура?» – предположила Инга. Заболеть в сыром марте с его обманчивым «цыганским» солнцем, с опасными ветерками и коварными лужами, замаскированными хрупким ледком, – раз плюнуть. Как раз накануне она неаккуратно наступила в одну из таких глубоких луж, и холодная грязная вода через «молнию» просочилась в сапоги.

Инга машинально коснулась лба и убедилась, что температуры нет. Да и простуженной она себя не чувствовала: горло не першило, в носу не свербело, голова не болела. Если бы не озноб, чувствовала бы она себя прекрасно. Инга стащила с кровати одеяло, завернулась в него и, захватив чистое белье и теплый домашний костюм, отправилась в ванную.

Под горячими струями воды она постепенно приходила в себя. Вместе с этим будто оттаивали ее мысли. Если озноб вызван не простудой, то причиной его являются сигналы интуиции: либо произошло что-то важное, на что Инга не обратила внимания, либо, что хуже, это предупреждение о грядущих неприятностях.

Инга с детства обладала острой интуицией, могла предчувствовать события, видела вещие сны. Ее способности заметила бабушка, считавшаяся в поселке, где жила тогда Инга, сильной ворожейкой, и взялась за обучение внучки. Бабушка не только передала свои и накопленные поколениями знания, но и помогла развить Силу, которая у девочки присутствовала, но была изначально дикой, слабой, как заваленный камнями горный ручеек. Бабушка «расчистила» источник, научила управлять им, правильно использовать, и Сила потекла уже рекой. Сейчас уже несколько лет как бабушки не было в живых, Инга продолжала ее дело, четко следуя наказам не использовать свои способности и возможности во вред кому-либо.

Обычно об угрозе предупреждали «уколы». Сегодняшние же ощущения были совершенно другими – озноб. Значит, это не предчувствие чего-то дурного, а сигнал: нужно обратить внимание на что-то, что она не посчитала важным.

Подумав так, Инга сразу же вспомнила, что вчера на глаза ей попала старая газета, в которой говорилось об убийстве директора известной певицы. Новость была уже недельной давности, но Инга узнала о происшествии только сейчас. Газету ей дали возле метро, читать ее Инга не стала, но вчера во время вечернего чая, прежде чем выбросить, лениво пролистала и наткнулась на эту короткую заметку.

Вспомнив новость, она почувствовала, что остатки озноба уходят и по телу разливается приятное тепло сродни тому, которое дает хорошая чашка глинтвейна. Значит, она на верном пути.

Инга поспешно смыла с себя мыльную пену, торопливо вытерлась полотенцем, натянула домашнюю одежду и бросилась на кухню.

Газета лежала там, где она ее и оставила накануне, – на столе. Инга наполнила электрочайник водой, включила его, после чего присела на табурет и отыскивала нужную полосу. Перечитывая заметку, она беспокойно теребила челку, то надвигая ее на глаза, то вновь убирая с лица. Привычка из детства, давно забытая, которая вдруг вновь пробудилась. Инга нервничала – сильно и без причины. И сама этому удивлялась. Заметка могла бы оставить ее равнодушной или, напротив, вызвать эмоции, но никак не должна была заставить нервничать. Не было для этого повода! Но тем не менее Инга теребила волосы, кусала губы и ежилась от вновь охватившего ее озноба. Когда она в третий раз закончила перечитывать заметку, рука машинально потянулась к оставленной на подоконнике пачке сигарет. Но, опомнившись, Инга одернула себя: она, еще до недавнего времени заядлая курильщица, приняла решение не дымить натошак.

С официальной версией убийства директора из-за карточных долгов Инга категорически не была согласна. Где логика? Кредиторам незачем убивать должника, если они надеются вернуть себе деньги. В этом случае вероятность погасить долги была довольно высокой: популярность певицы, с которой работал менеджер, набирала обороты, и соответственно росли ее заработки. Нечистый на руку директор, уже пойманный ранее на обворовывании музыкантов, наверняка присваивал себе и львиную долю заработанного подопечной.

Нет, убили директора совсем по другой причине.

Инга насыпала несколько щепоток чая в маленький глиняный чайник и залила кипятком. Прodelала она все это машинально, думая о записке, но уже не о мотиве убийства директора, а о самой певице. Надо бы ей позвонить... Выразить сочувствие. Лёка была ее прошлым. Не просто ярким эпизодом, а утешением и возрождением, как радостью, так и болью.

Но Инга все медлила с тем, чтобы взять телефон и набрать удаленные из его записной книжки, но въевшиеся в память цифры. Немало воды утекло, хотя времени прошло не так уж много – год. Год, как они с Лёкой не виделись. Инга не ходила к ней на концерты, на электронные письма, которые поначалу приходили от певицы, не отвечала. Лишь иногда без ностальгии читала попадающиеся в прессе интервью, радовалась успехам бывшей подруги да изредка ставила диск с ее песнями – не потому, что вдруг взгрустнулось, а потому, что песни и в самом деле были хороши.

Сейчас ей казалось странным даже вспоминать, что она, никогда не имевшая опыта однополной любви и даже в фантазиях не представлявшая себе подобного, однажды оступилась – сделав шаг в сторону скользкого и бесперспективного романа с девушкой. Ее душу, до этого дремавшую, разбудила магия сильного голоса, помноженная на пронзительные тексты и сложные музыкальные темы. А сердце подхватило волшебную мелодию, которая вдруг зазвучала в душе, и гармонично дополнило ее волнующим ритмом. Тогда Лёка еще не стала популярной певицей, «звездой», она была просто талантливой девочкой, почитавшей за счастье выступить в каком-нибудь малоизвестном клубе на окраине Москвы. Инга в нее верила и всячески поддерживала. Этим она благодарила Лёку за тепло, которым та наполнила ее замерзшее сердце.

Их отношения были яркими, но короткими, как жизнь бабочки-однодневки. Пути Инги и Лёки разошлись. Певица уверенно восходила на музыкальный олимп. В жизни Инги тоже многое изменилось. В прошлом остались грусть и одиночество, настоящее было наполнено любовью, надеждами и ожиданиями.

Счастливые воспоминания о любимом человеке – Алексее Чернове, с которым Инга познакомилась прошлым летом, – вытеснили тревогу.

Чуть больше года назад Инга во имя спасения своего брата-двойняшки и его невесты от смертельной угрозы, порожденной старинным проклятием, пожертвовала собой. Чудом оставшись в живых, она лишилась Силы и летом прошлого года поехала восстанавливаться в приморский городок, в котором родилась и провела часть своей жизни. Неожиданно для себя она встретила там настоящую и самую крепкую любовь – Алексея Чернова, вдовца, воспитывающего девятилетнюю дочь Лизу. Их взаимной любви предшествовала обоюдная острая неприязнь. Инга вначале привязалась к дочке Чернова, а потом уже полюбила и его самого – неловкого, грубого, похожего на неуклюжего медведя, человека внешне жесткого, но с ранимой душой. К сожалению, видеться они могли нечасто: Алексей продолжал жить в приморском городе, где его почтительно величали «рыбным бароном», а Инга все не решалась променять суматошную столицу, к которой прикипела сердцем, на маленький провинциальный городок.

– Ерунда какая-то, – сказала она о своих ощущениях, порожденных запиской, и отшвырнула газету на подоконник. Какие тут «предчувствия», когда ее душа наполняется светом и теплом только от малейшего воспоминания о любимом человеке! А скоро, через две недели, Алексей с дочерью Лизой приедут в Москву к ней на день рождения. У Лизы как раз наступят весенние каникулы, и Инга всю планировала, как сделать отдых девочки нескучным.

Напевая под нос, она приготовила завтрак. Настроение плясало солнечным зайчиком, жизнь казалась акварельно яркой. Инга пила ароматный чай, с аппетитом откусывала от бутерброда и просматривала записи в ежедневнике. На сегодня почти не было назначено встреч. Две клиентки с утра. Первая придет через час, вторая – через полчаса после первой. И дальше никаких планов. Такие незагруженные дни выдавались редко, и нужно было этим воспользоваться.

Инга работала на дому, продолжая дело бабушки, но сочетая его с полученным образованием психолога. Гадала, предсказывала будущее, расшифровывала сны, давала советы, делала обереги, снимала порчу, помогала обрести удачу в любви, семейной жизни и бизнесе. Услуги ее пользовались спросом: довольные клиентки давали координаты Инги своим подругам, приятельницам, сослуживицам. И дни у нее были расписаны под завязку. Сегодняшний же оказался почти свободным потому, что на вечер изначально планировался сложный и долгий ритуал, который потребовал бы много сил, и день требовался на подготовку. Но в последний момент клиентка отказалась от помощи, и у Инги образовалось «окно».

Она решила с пользой потратить внезапный выходной и проехаться по магазинам в поисках праздничного наряда, купить билеты в театр для Лизы и заглянуть в ресторан, который выбрал брат для празднования их общего дня рождения.

И только она подумала о брате, как ее размышления прервал звонок мобильного. Даже не глядя на экран телефона, Инга уже знала, что ей звонит Вадим: между ними всегда была особая связь.

– Легко на помине! – улыбаясь, проговорила она. – Только вот сейчас о тебе подумала!

– Не удивила, – весело ответил Вадим. – Ты еще не ездила посмотреть ресторан?

Раз он перешел сразу к делу, значит, времени у него было очень мало.

– Нет. Но собираюсь сегодня.

– Не стоит ехать. Я уже узнал, что на день, который нас интересует, зал, к сожалению, сдан. У меня есть другой вариант. Съездил бы, посмотрел сам, но сегодня не могу, а завтра уже может быть поздно – ресторан тоже пользуется спросом.

– Я съезжу. Диктуй адрес.

Ей хотелось отметить их с братом день рождения лишь с близкими: женой Вадима, их маленьким сыном Иваном и Алексеем Черновым с дочерью. Но дата – тридцать лет – обязывала. К тому же Вадим занимал солидную должность в банке, и предполагалось, что он организует банкет для коллег. Инга утешала себя тем, что потом, когда «официальный» день рождения, устраиваемый больше для коллег Вадима, закончится, они с близкими посидят по-домашнему.

Она записала адрес и собралась уж было попрощаться, как ее остановил неожиданный вопрос:

– Инга, что-то случилось?

– Нет, а что? – удивилась она.

– Ты чем-то расстроена. Или, скорей всего, озадачена. Не увличай, сестренка, я тебя отлично знаю. Сама же любишь повторять, что между нами – особая связь. Так что случилось?

– Ничего, Вадим, правда. Впрочем... – Увливать не было смысла. Правда, удивило, как брат прочитал ее тревогу, которую она успешно скрыла от самой себя. – Ничего серьезного, просто мне на глаза попала одна газета. Новость не свежая, но я узнала об этом только вчера. Скажи, ты слышал что-то о гибели директора Лёки?

В трубке повисло такое тяжелое и красноречивое молчание, что стало сразу ясно, что вопрос не понравился Вадиму. Он явно уже знал об убийстве, но не хотел рассказывать о нем сестре.

– Ну, слышал, – наконец вымолвил он. – И что? Лёку, с одной стороны, жаль, но, с другой – ее директор, судя по тому, что написали о нем, был козлом. Так что дай бог девочке найти порядочного и честного менеджера, чтобы...

– Вадим, я не о том, – перебила Инга. – Что-то в этой истории мне не нравится.

– А что в ней должно нравиться? – натянуто рассмеялся брат. – Что может нравиться в сообщениях об убийствах?

– Я не о криминальной стороне этой истории. А об ощущениях. Моих ощущениях, понимаешь?

– Опять твои «знаки»? – меняя тон, резко спросил Вадим. И, опережая Ингу, категорично заявил: – Не вздумай никуда влезать! Тебя это не касается!

– Да я и не собираюсь... – предприняла неудачную попытку оправдаться Инга, но брат ее и не слушал:

– Запру дома, а ключ выкину, если тебе опять взбредет в голову «поиграть» в «следователя»! К тебе эта история никакого отношения не имеет! Не вздумай лезть опять куда тебя не просят!

– Да куда я не лезу! – рассердилась Инга. Брат, конечно, кое в чем прав: дважды она попадала в серьезные переpleты, из которых чудом выбралась живой. Но в те разы она не могла не вмешаться, ведь речь шла о жизнях дорогих ей людей. Директор Лёки был Инге совершенно чужим человеком, которого она ни разу не видела. Да и с бывшей подругой отношения давно порваны.

– Успокойся, Вадим. Мне совсем не интересно, что там произошло с этим нечестным директором. Меня только насторожили мои ощущения. Но я постараюсь не придавать им значения, и все. Эта история и в самом деле не имеет ко мне никакого отношения.

– Ты так стараешься меня убедить в этом, что придется поверить, – сдался Вадим. – Но смотри мне, если тебя опять помянут загадки и приключения, я запру тебя дома! Не забывай, что запах сыра ведет в мышеловку, в которую ты уже дважды попадала.

– Ладно, ладно, – пробормотала она, жалея о том, что вообще заикнулась брату о своих ощущениях, поэтому торопливо сменила тему: – В ресторан смогу попасть где-то к обеду. Если все понравится, сразу зарезервирую зал. Поздно мы спохватились!

Брат выразил согласие и добавил, что доверяет вкусу сестры больше, чем своему. Инга попрощалась и сунула в мусорное ведро злополучную газету.

Утро перетекло в полдень без происшествий: Инга немного прибрала в квартире, затем приняла двух клиенток. Первая оказалась солидной дамой под пятьдесят, в элегантной шляпке и с крупной брошью из стеклянных самоцветов на груди. Она и была дамой – до кончиков ногтей, покрытых лаком приглушенного красно-коричневого оттенка, и с потрясающим достоинством, с которым она представилась прямо с порога – Кочетова Тамара Васильевна. Именно так, с фамилией, именем и отчеством.

Тамара Васильевна беспокоилась за исход операции, которая ей предстояла через две недели. Операция плановая – на щитовидке, но женщина панически боялась врачей и больниц, в чем и призналась, интимно понизив голос и смущенно хохотнув. Инга для начала взяла колоду Таро, чтобы посмотреть ситуацию. Но, тасуя карты, все никак не могла сосредоточиться, потому что ее внимание то и дело отвлекала пресловутая брошь. Похожая была когда-то у ее бабушки, и, помнится, Инга в детстве любовалась игрой света в камнях. Ей тогда казалось, что эти стекляшки – бриллианты. Однажды она тайно взяла у бабушки «бриллиантовую» брошь, приколотла ее на летнюю маечку и гордо выгуливала «драгоценность» во дворе дома. Все эти воспоминания, так нехотят возникшие, отвлекали. И Инга излишне долго тасовала карты, пытаясь настроиться на нужную волну. Она даже чуть было не попросила клиентку снять отвлекающую брошь, но в этот момент «услышала» строгий голос бабушки: «Инночка, не рассеивай внимание!» Командный тон бабули помог ей сосредоточиться. Из расклада выхо-

дило, что операция пройдет успешно. Дама заметно успокоилась, но спросила, можно ли ей поставить охранку – на всякий случай? Инга ответила согласием, и Тамара Васильевна ушла довольной.

Вторая клиентка была, напротив, молодой девушкой, которую очень беспокоило, нет ли на ней «венца безбрачия». Инга успокоила девушку, сказав, что никакого «венца» нет, более того, в картах она увидела перспективные отношения, которые могут привести к браку. И дала девушке несколько советов уже не как ведунья, а как психолог.

В хорошем настроении, потому что доставила клиенткам радость, Инга включила компьютер, чтобы посмотреть предварительную информацию о том ресторане, куда собралась ехать. Быстро изучив открывшуюся страницу, она, перед тем как выйти из Интернета, по привычке решила заглянуть на собственный сайт. И неприятно удивилась, обнаружив, что страница вдруг исчезла. Этот ресурс был очень дорог Инге. Во-первых, его подарил брат, вроде бы и в шутку, но с любовью. Во-вторых, ценность представляла информация по магии, которой Инга здесь делилась с посетителями. Но самое главное, сайт был дорог как память о гениальном дизайнере, который его сделал, и просто хорошем парне Саше.

Успокаивая себя тем, что возникли какие-то технические неполадки или на сервере проводятся профилактические работы, Инга написала письмо администратору с просьбой устранить проблему. Но настроение все равно уже было испорчено.

А в тот момент, когда она собралась выходить из квартиры, ей вдруг позвонили на мобильный. Имя звонившего не высветилось, лишь номер, но Инга его узнала – тот самый, который был удален из памяти телефона, но не стерт из ее собственной. «Ну вот...» – с тоской подумала она и, чуть волнуясь, ответила:

– Да?

– Инга... Инга, мне нужно с тобой встретиться! – услышала она знакомый голос, растянутый на дисках, но в трубке звучавший немного по-другому. Какие метаморфозы могут происходить с голосом в зависимости от ситуаций! Он лился из динамиков приворотной магией на сбивающиеся с привычного ритма сердца, властвовал над чувствами, обнажал души. И терял этот эффект в обычной жизни, звучал мягко, застенчиво, даже порой невыразительно. Голос Лёки, сейчас звеневший от волнения, ворвался неожиданным (или все же ожидаемым?) ветром, перелистал страницы-воспоминания, опрокинул, как легкую чашку, спокойствие и бросил в душу, как в лицо – дождевые брызги, колючую тревогу.

– Лёка, что случилось?

Она могла и не спрашивать: газета и так все рассказала.

– Ты, наверное, уже читала, что погиб мой директор. Но я прошу тебя встретиться со мной не столько из-за этого. Мне нужен твой совет. Пожалуйста.

– Хорошо, – согласилась Инга после заминки и договорилась увидеться с Лёкой завтра в известном им обоим кафе.

* * *

– Не надо... Не надо...

Тихий шепот накатывал подобно волнам и так же плавно отступал.

– Пожалуйста, не надо...

Кто-то бесцеремонно разрывал паутинное кружево сладостного сна Лизы, в котором ей было тепло и уютно, как под любимым старым пледом. Девочка, не просыпаясь, что-то негромко промычала и слабо отмахнулась от этого нашептывания, как от назойливого комариного зуда. Ей снилось, что рядом сидит мама и ласково перебирает пальцами ее кудряшки. Эти легкие прикосновения к волосам и ванильный запах духов были такими осязаемыми, будто мама и впрямь пришла навестить ее не во сне, а наяву.

Теперь Лиза могла «встречаться» с мамой лишь во снах, да и то нечасто. Это всегда было одно и то же видение: мама тихонько отворяла дверь, бесшумно входила в спальню и невесомо присаживалась на краешек кровати. Она не произносила ни слова, но Лиза будто слышала то, что ей хотели сказать: «Не переживай, мой ребенок, не грусти. Я всегда буду с тобой». Мама сидела рядом с ней всю ночь, а потом, за несколько минут до звонка будильника, молчаливо прощалась, вставала и уходила. Просыпаясь, Лиза иногда жалела о том, что мама не задерживалась на эти несколько минут. Но понимала, что она так поступала специально из желания сделать переход дочери из мира снов в реальность наименее болезненным. Ведь если бы видение обрывалось резко, девочка просыпалась бы огорченной. А так Лиза успевала открыть глаза за пару мгновений до звонка – выспавшаяся, отдохнувшая, успокоенная и счастливая. Выключив будильник, она переворачивалась на другой бок, прижимала к груди плюшевого медвежонка Тэдди и шепотом пересказывала ему сон. А потом уже вставала и начинала свой день.

– Помогите! Помогите!..

Сегодня кто-то вклинился в ее счастливый сон и, подобно вломившемуся в храм вандалу, разрушал святыни. Лиза недовольно поморщилась и нехотя открыла глаза.

Падающий в окно свет от дворового фонаря неярко озарял комнату. И в этом полусвете-полумраке растушевывались края и сглаживались углы. Детская «стенка»-«горка» казалась не мебелью, а фасадом сказочного замка, вислюхий плюшевый пес породы бассет, восседающий на полке, – стражником в причудливом шлеме, летняя соломенная шляпка, которая дожидалась пляжного сезона на другой полке, – верхом кареты.

Лиза тут же вообразила, что ее комната на самом деле является заколдованным царством, вынужденным при дневном свете маскироваться под обычную детскую, но с наступлением ночи вновь обретавшим свое истинное обличье. Поиграть в «заколдованное царство» было заманчиво, но Лиза решила вначале выяснить, кто кричал и почему. Мама когда-то учила ее тому, что на просьбы о помощи нужно откликаться, и читала ей много добрых сказок об этом. Лиза тайно мечтала о том, что однажды она тоже совершит большое дело. Не ради похвалы, а потому, что у нее такое отзывчивое сердце, потому, что она – хорошая, и потому, что так ее учила мама.

Девочка спустила ноги с кровати, сунула их в смешные тапки-«ежики» и растерянно огляделась. Во сне она явно слышала чей-то голос. И зов этот не был фоном к ее сновидению, он вклинивался в него как чужеродный звук извне, значит, точно не снился. Но кто мог ее звать? В комнате никого не было.

Лиза бесшумно прошла по ковру, чуть не наступив на забытого на нем с вечера пупса Иннокентия, и приблизилась к двери. Потянув на себя ручку, девочка выглянула в пустой коридор и в сомнении закусил нижнюю губу. Папочка может рассердиться, если застанет дочь гуляющей ночью по дому. Он все еще не мог забыть тот страх и панику, которые испытывал каждый раз, когда терял дочь в собственном доме.

И все же Лиза отбросила сомнения и вышла в коридор, решив, что дойдет до лестницы и вернется обратно.

Дом спал. Даже папа не стал засиживаться, как обычно, в своем кабинете. Девочка на цыпочках прошла мимо его спальни, откуда доносился сочный храп, и тихонько двинулась дальше. Она напряженно прислушивалась, как настороженный зверек, но никакого шума, кроме своих легких шагов, не слышала. Лиза прошла длинный коридор мимо комнат – бывшей маминой и двух гостевых – и остановилась возле библиотеки. Этот книжный рай манил ее своими загадками, и дело заключалось не только в огромных шкафах, заполненных томами, но и в особой атмосфере. Обстановка в доме была современной. Но библиотека – не только часть книг, но и мебель – досталась маме еще от прабабушки. Лиза любила бывать тут. Она со священным трепетом обходила шкафы, внимательно изучая полки. Иногда осторожно вытаскивала тот или иной том (при этом предпочтение отдавала толстым и старинным), затем, сев

прямо на пол, осторожно перелистывала пожелтевшие страницы, вдыхая их запах и читая выборочно куски текста.

Нахлынувшие воспоминания были подобны контрастному душу: обожгли поочередно холодом и жаром. Лиза зажмурилась, словно стараясь спрятаться от замелькавших в памяти эпизодов недавнего прошлого, на цыпочках бегом промчалась мимо библиотеки и остановилась на лестничной площадке. Дальше идти было некуда, разве что оставалось спуститься на первый этаж, где находились кухня, огромный салон, игровая и еще одна гостевая комната. Девочка уже не была уверена в том, что ее действительно кто-то звал. Похоже, голос ей и в самом деле приснился. Но только Лиза почти поверила в это, как вдруг опять услышала крик – на этот раз пронзительный, срывающийся на визг:

– Не надо! Не надо!

Девочка остановилась и растерянно закрутила головой в поисках кричавшего. Она не могла понять, откуда доносился голос. Он будто слышался со всех сторон, а она, Лиза, находилась в сердцевине этой голосовой «сферы».

– Где вы? – не выдержала Лиза, услышав уже не крик, а стон. – Кто вы?

В ответ раздался лишь еще один стон, переполненный страданием. Отбросив все колебания, Лиза сбегала вниз и торопливо исследовала коридор, салон, кухню и остальные помещения на первом этаже. Никого. Остается только выйти на улицу.

Лиза уже стояла возле входной двери, как вдруг ее окликнули:

– Елизавета, ты куда собралась?!

Девочка вздрогнула от неожиданности и оглянулась.

– Папочка...

– Ты почему не в кровати? И куда ты собралась?

– Я... Мне не спится. И жарко. Я хочу подышать воздухом, – придумала она на ходу, интуитивно поняв, что ее рассказ про крики о помощи совсем не понравится папочке.

– Подышать! – ворчливо передразнил ее отец. – Лизка, ты совсем, что ли, забыла о безопасности? Ночь на дворе! Если тебе жарко, открой окно! Но и думать забудь о ночных прогулках в одиночестве!

Голос отца громышал так сердито, что Лиза невольно поежилась. Однако в душе она понимала, что папочка просто старается скрыть беспокойство.

– Пойдем в кровать, – сказал он уже мягче. И обнял дочь за плечи. – Здесь довольно прохладно, еще простудишься. А я не умею тебя лечить.

– Мама умела, – с тихой улыбкой сказала Лиза. – И Инга.

– И Инга, – эхом отозвался отец с легкой грустью.

– Ты скучаешь по ней?

– По маме?

– По Инге, – чуть насмешливо отозвалась Лиза. Ну какие же они забавные, эти взрослые! Понял же ведь папа отлично, о ком его спрашивают. А все смущается и стесняется, и если заговаривает об Инге, то говорит о ней так нарочито небрежно, будто хочет скрыть свое истинное отношение к ней. Ей-богу, смешные эти взрослые!

– По Инге?.. Да, скучаю, – нехотя признался он.

– Это хорошо, – обрадованно улыбнулась Лиза. И, чувствуя себя взрослой и ответственной за отца, снисходительно добавила: – Но ты не очень скучай! Ведь мы же скоро поедем к ней в гости. Правда?

– Правда, – ответил отец и потрепал Лизу по длинным выющимся волосам. – А теперь – в кровать! Пойдем, я тебя провожу.

– И посидишь со мной?

– Посажу.

– И сказку расскажешь?

– Елизавета, ну ты уже совсем взрослая для того, чтобы я рассказывал тебе сказки! – возмутился отец. Но затем чуть смущенно добавил: – Да и не умею я их рассказывать. Это мама умела. Да Инга.

– Тогда я тебе расскажу сказку! – покровительственно ответила дочь. – Обещай, что выслушаешь!

– И о чем будет сказка? О принцессах?

– Нет. О том, как мы поедem в Москву.

– Это не сказка, а правда... Но все равно я тебя послушаю, – поспешно добавил папа.

Когда они поднимались по лестнице, Лиза вдруг замерла, будто к чему-то чутко прислушиваясь.

– Лиза? Что случилось?

– Ничего, ничего, – помотала головой девочка. И с нарочитой беззаботностью быстро взбежала по лестнице наверх. О том, что только что услышала чей-то вздох, Лиза умолчала, как умолчала и о зове о помощи. Только сейчас она поняла, что зовущий находился не здесь: не в доме, не во дворе, не на улице и, может быть, даже не в этом городе. Голос доносился откуда-то издалека. Возможно даже, из Москвы. И из прошлого.

Глава 2

В кафе, где ее должна была ждать Лёка, Инга собиралась без волнения, будто на встречу с приятельницей, отношения с которой уже давно потускнели и высохли, как опавшая листва, без надежды напитаться живым соком. Впрочем, так оно и было: Лёка стала прошлым, пусть и не таким далеким, но уже пережитым, оплаканным и похороненным без желания воскрешения. Теперь это действительно была давняя приятельница, почти шапочная знакомая. И Инга, даже если бы сильно пожелала, уже не смогла бы вспомнить, в какое созвездие сливались родинки на животе Лёки, хотя еще так недавно казалось, что эта интимная деталь навсегда останется в ее памяти.

На встречу она оделась максимально просто: в темно-синие узкие джинсы, заправленные в высокие сапоги на плоской подошве, свободный джемпер и короткую кожаную куртку. Длинные волосы Инга поначалу собрала высоко на затылке, но, увидев наметившиеся светлые корни, отказалась от этой затеи и просто оставила распущенными. «Может, вернуться к своему натуральному цвету?» – машинально подумала она, разглядывая в зеркале пробор. От природы Инга была светло-русой, почти блондинкой, но уже несколько лет подряд красилась в черный цвет. Быть жгучей брюнеткой ей шло – такой цвет выгодно оттенял холодно-серые глаза и подчеркивал матовую белую кожу. Да и ухаживала она за волосами так, что мало кто мог догадаться, что они крашенные. Казалось, от природы они были темными.

Инга, дурачась, сощурилась, имитируя во взгляде роковую страсть, потом, как легкомысленная блондинка, округлила глаза и похлопала ресницами, изображая наивность, и, приснув со смеху, задорно подмигнула своему отражению. Нет, себе она больше нравится брюнеткой. Инга подняла руку с расческой, чтобы пригладить волосы, но неловко задела флакон с духами, который стоял на подзеркальной тумбочке, и смахнула его на пол. Охнув, она еще попыталась поймать его на лету, но флакон, будто живой, выскользнул из пальцев и со звоном упал на пол. В воздухе разлился сладкий аромат. Инга, устремив взгляд на осколки и маленькую лужицу на полу, от огорчения застонала. Любимые духи, подаренные Ларисой. Конечно, можно купить в магазине замену разбившемуся флакону хоть сегодня, но все же именно эти духи ей были особо дороги. Жена брата подарила ей их в знак благодарности за помощь в сложных родах. «Ты – наш семейный ангел-хранитель, – сказала тогда Лариса. – Если бы не ты, не было бы ни меня, ни нашего маленького». И хоть Лара немного преувеличила, Инга все равно растрогалась почти до слез.

И вот флакон разбит. К счастью, разлетелся он не на мелкие осколки, а раскололся пополам, что хотя бы делало уборку не такой трудоемкой. Инга собрала осколки и лужицу, открыла окна, чтобы проветрить помещение от концентрированного аромата, и, глянув на часы, убедилась, что времени на макияж уже нет. Она лишь торопливо тронула губы оттеночным бальзамом и припудрила нос.

Лёка опередила ее. Когда Инга вошла в помещение бара, в котором они договорились встретиться, певица уже занимала маленький столик для двух персон в самом укромном уголке. Инга не сразу признала в длинноволосой брюнетке, томно попивающей сок, свою давнюю приятельницу. От природы Лёка была светло-рыжей и еще год назад носила ультрамодную короткую стрижку, «рваную», с асимметричной длинной челкой. Прическа очень шла к ее худенькому и подростковому на вид личику с высокими скулами и заостренным подбородком, который Лёка имела привычку во время выступлений вскидывать. А теперешние темные кудри были такими чужеродными и незнакомыми, что Инга невольно замедлила шаг в растерянности. И только уже почти подойдя к столику, она поняла, что длинные локоны – не что иное, как маскарад. Лёка с ее популярностью – узнаваемая персона. Выйти спокойно в публичное место она может, только изменив внешность.

– Привет, прекрасная незнакомка! – смеясь, поприветствовала Инга старую подругу. Лёка смущенно улыбнулась:

– Знаю, это совершенно не мой стиль, поэтому я его и выбрала.

– Бедная ты моя, бедная, – в шутку посочувствовала Инга, присаживаясь на свободный стул. – Даже кофе спокойно выпить не можешь. Лёка – это плата за твою популярность, о которой еще так недавно ты мечтала, но сомневалась в том, что сможешь достичь таких высот. А я тебе говорила!

– Да, да, ты, как всегда, сто пятьдесят раз оказалась права! Честно, даже не знаю, что теперь делать с этой популярностью... Неудобно жить.

Сетования Лёки были искренними, а не надуманными. Она, от природы застенчивая и легко смущающаяся, и в самом деле чувствовала себя неудобно в новой «звездной» жизни. Впрочем, Инга несколько преувеличила: к такой популярности Лёка не стремилась, лишь мечтала о том, чтобы ее песни нравились людям, чтобы их слушали, чтобы ждали новых. И чтобы иногда, хотя бы раз в месяц, их автора и исполнителя приглашал выступить какой-нибудь клуб. Все. О большем Лёке не думалось. Поэтому свалившаяся в одно мгновение популярность ее угнетала.

– Носи парики и очки, – засмеялась Инга. – Это делает тебя совершенно неузнаваемой. Ведь твои короткие рыжие волосы теперь чуть ли не визитная карточка.

– Как я ненавидела в подростковом возрасте эту рыжину! – со вздохом призналась Лёка. – Я тогда носила длинные волосы, а в последнем классе школы перекрасила их в блонд. А потом... Потом, после одной истории, резко сменила имидж, вернулась к самой себе: коротко подстриглась и перестала перекрашиваться.

У Инги чуть было не вырвалось, что после «одной истории» она тоже кардинально сменила цвет волос, но вместо этого туманно сказала, что в жизни каждой женщины бывает «история», после которой ей хочется что-то поменять в своей внешности. Лёка поддакнула и уткнулась в чашку с чаем. Нежный румянец покрывал щеки певицы и маскировал светлые веснушки. Сложением она походила на неоформившегося мальчика-подростка, такая же худая и угловатая, с неловкими, какими-то порывистыми и ломаными движениями. И только на сцене Лёка преображалась – музыка была для нее тем волшебством, под влиянием которого спадал панцирь застенчивости, а в жестах появлялась резкость и даже властность. Однажды Инга спросила у Лёки, что она чувствует на сцене. Ведь, казалось, предстать перед публикой, да еще с такими откровенными песнями, для Лёки могло бы быть серьезным испытанием. Но певица ответила, что в этот момент она не видит толпу незнакомых людей, все лица сливаются для нее в одно. И, выступая, она представляет себе, будто поет для любимого человека.

– В этом баре мы с тобой когда-то часто сидели, – вдруг произнесла Лёка, рассеянно обводя взглядом помещение. Инга не могла не согласиться. Это место было их любимым. По ночам здесь работал бар, в котором крутил модные пластинки диджей Винт – Лёкин знакомый, а бармен Юра угощал своими шедеврами – вкусными коктейлями, тайну ингредиентов которых свято хранил. Публика по ночам сюда набивалась несколько авангардная, с уклоном в музыкальную область – диджеи, музыкальные критики, ведущие мелких радиостанций, начинающие музыканты. Поэтому Лёка и любила это место – за возможность крутиться в своем мире. Но днем бар засыпал, как старый филин, и ему на смену пробуждалось обыкновенное кафе с утренним эспрессо, горячими бутербродами, сонными официантками в пристойных белых передниках. Никого из ночной публики в это время встретить здесь было невозможно. Основную массу дневных посетителей составляли обыкновенные прохожие и служащие близлежащих офисов, заскочившие на быстрый завтрак или бизнес-ланч.

Инга заказала апельсиновый сок.

– Как твоя семья? – спросила Лёка. Скорей просто из вежливости, чем из особого интереса. Но Инга ответила, что с близкими все хорошо. Вадима повысили, теперь он – начальник

отдела. А Лариса, его жена, пока сидит дома с сыном Иваном, которому скоро будет одиннадцать месяцев. У нее, Инги, тоже все в порядке.

– Я это поняла, – улыбнулась Лёка. – Твои глаза светятся. Ты, похоже, влюблена. И кто он?

Инга вскинула на Лёку вопросительный взгляд, удивленная ее проницательностью. И подруга засмеялась:

– В том, что это «он», а не «она», я даже не сомневаюсь. Ты ведь никогда не была «нашей», сбежала в отношения со мной, потому что на тот момент не верила мужчинам. Это я тебя временно сбиваю с толку. И я рада, если у тебя опять все в жизни стало на свои места.

– Ты права. Его зовут Алексей, вдовец, воспитывает девятилетнюю дочь Лизу, живет в приморском городке, в котором я родилась, занимается бизнесом. Мы познакомились прошлым летом, когда я поехала на море отдыхать. Жду его в скором времени в Москву, в гости. Хотелось бы, чтобы он вообще переехал, но это, похоже, невозможно.

– Я рада за тебя, – повторила Лёка и, стянув с головы парик, пожаловалась: – Жарко! Ну его, этот маскарад. В парике очень неудобно.

Она неловко скомкала искусственную «гриву» и сунула в бумажный пакет, стоявший рядом на деревянной лавке. После чего с облегчением вытерла тыльной стороной ладони взмокший лоб и пригладила пальцами встопорщившиеся короткие волосы.

– Инга, я попросила тебя встретиться со мной ради одного деликатного дела, – приступила она наконец к делу. – Ты, наверное, уже слышала: погиб мой директор, Макар. Об этом писали в газетах. Слово «убийство» не хочу произносить, потому что оно наводит на меня ужас.

– Да. Соболезную, – ровным тоном ответила Инга. Официантка принесла ей стакан с соком, Инга поблагодарила и вновь перевела взгляд на Лёку: – И как ты теперь?

– Ну, я не пропаду, у меня уже есть несколько предложений. Собственно, о чем я хотела поговорить. Ты, возможно, уже читала, что выдвигают различные версии гибели Макара. И среди всех предположений лидирует версия о мести кредиторов. Якобы Макар проигрался в пух и прах и задолжал огромную сумму.

Инга кивнула – и вновь поежилась от охватившего ее озноба. В помещении было жарко, к тому же на ней теплый свитер, но холод шел будто изнутри. Ее движение не осталось незамеченным Лёкой:

– Ты замерзла?

– Немного.

– Но здесь жарко! Ты не заболела случайно? – встревожилась певица.

– Нет, нет, я здорова. Это так... Не обращай внимания. Продолжай!

К ознобу прибавилось и тоскливое ощущение обреченности. Интуицию не проведешь! Не просто так на глаза попала газета. Хочет Инга или нет, но ее помимо воли опять затягивает в историю. «Этим вечером сама позвоню брату и скажу, чтобы он запер меня в квартире, а ключ спрятал!» – то ли в шутку, то ли всерьез подумала она. И тут же отругала себя за излишнюю мнительность: ну с чего она решила, что Лёка втягивает ее в новую историю? Ведь подруга еще даже не высказала причину, ради которой попросила о встрече.

– О Макаре написали много гадостей. Мол, и игрок он, и обманщик, якобы надувал меня, воровал часть моих заработанных денег. Вранье! Он был замечательным директором и относился ко мне по-братски. С ним я пришла к успеху. Не знаю, смогла бы я сама достичь того, чего достигла с ним. Макар в меня верил и поддерживал. Я знаю много людей, и многие знают меня. Но вот такую сильную поддержку и веру я получила только от двух людей – Макара... И тебя.

– Ну что ж, спасибо, – улыбнулась Инга. Кому, как не ей, знать обо всех метаниях, сомнениях и переживаниях Лёки, ведь она была с ней в период неудач и всячески старалась не дать упасть в пропасть отчаяния.

– Только не говори, что хочешь попросить меня расследовать гибель твоего директора...

– Не беспокойся, расследованием гибели Макара есть кому заняться. Хотя я, если честно, не верю в версию с кредиторами.

«Я тоже», – чуть не вырвалось у Инги. Но она вовремя прикусила язык. Вместо этого отпила из стакана сок.

– Как я тебе уже сказала, у меня есть несколько новых предложений. Они поступали и раньше, меня хотели перекупить. Но я отказывалась, пусть некоторые предложения и были очень заманчивыми. Меня устраивал мой директор. А сейчас, когда Макара не стало, мне все же придется сделать выбор и подписать новый контракт.

Она замолчала. Рассеянно подвинула к себе чашку и повертела ее. Затем вскинула на ожидавшую продолжения Ингу глаза:

– Знаешь, как я узнала о гибели Макара? Мне с утра позвонил один из этих «перекупщиков» и бодрым тоном заявил, что теперь-то, когда моего директора уже нет, я уж точно не откажусь от его выгодного предложения! Представляешь? Вот так, прямым текстом! Я-то еще не знала о том, что Макар погиб, а они уже знали. И делили меня как товар. Впрочем, я и есть – товар. Курочка, которая принесет золотые яйца. Вот как расценивается мое творчество! Ну да ладно, не об этом речь. А речь о том, что мне как-то... страшно. Я думаю, что Макара убил кто-то из этих «торговцев», жаждущих заполучить меня в свои сети. В ближайшее время мне предстоит сделать выбор. И я боюсь, что могу связать себя отношениями с убийцей Макара.

– Ты всерьез веришь в то, что твоего менеджера убил кто-то из вашего музыкального круга?

– Да, – просто ответила Лёка. И, помолчав, добавила: – Я хотела попросить тебя посмотреть эту ситуацию в картах.

– Ну, убийцу я все равно в них не увижу, – протянула Инга. – Но карты разложить могу. Приезжай ко мне вечером, посмотрим.

– Ой, приехать я к тебе не могу. После обеда улетаю в Питер. У меня там два концерта – сегодня и завтра. Старая договоренность Макара... Можешь сделать расклад без меня? А я тебе потом позвоню.

– Позвони мне после окончания концерта, я все равно не ложусь рано спать, – предложила Инга и, мысленно с облегчением вздохнув, сказала: – Так это и есть та просьба, ради которой ты меня пригласила?

Нет, правда, ее мнительность иногда переходит все границы!

– Могла бы и по телефону об этом попросить.

– Захотелось тебя увидеть, – призналась Лёка. – Ты не ходишь на мои концерты, не звонишь, письма не пишешь, будто избегаешь. Да, понимаю, наши дороги разошлись, но у меня о тебе остались самые теплые воспоминания.

– У меня о тебе тоже, – искренне ответила Инга.

– Тогда, может, придешь ко мне на концерт? – робко пригласила певица и нервно запрокинула за ухо длинную челку. – В эту субботу.

– Да, приду, – почти не задумываясь, твердо пообещала Инга. В самом деле, сколько можно избегать прошлого? Лёка может подумать, что она стесняется тех отношений, которые у них были, и жалеет о них. Или, наоборот, что боится вновь сорваться в них.

– Замечательно! – обрадовалась Лёка и выудила из пакета конверт. – Здесь три приглашения в VIP-зону. Можешь взять с собой брата и его жену. Я их помню, замечательная пара.

– Спасибо, так и сделаю! А насчет расклада не волнуйся, вечером я его сделаю. Позвони мне сегодня ночью.

– Концерт поздно закончится, разбужу ведь...

– Ничего. Сама же ведь сказала, что тебе нужно срочно делать выбор. Чем смогу, тем помогу, но не забывай, что карты могут лишь дать совет, но не указать решение. Рассчитывать в этом вопросе тебе все равно придется на себя и свою удачу.

– Кстати, об удаче, – грустно усмехнулась Лёка. – Я потеряла твой подарок-талисман. Помнишь, ты мне перед нашим прощанием подарила серебряную подвеску на браслет со словами, что это – моя удача? Так вот, я ее потеряла на днях.

– Не переживай так, – рассмеялась Инга. Уж больно забавным показалось ей «горе» подруги, всерьез поверившей в то, что маленький кусочек серебра может принести ей удачу и что потеря его ей грозит неприятностями. – Это был не столько талисман, сколько мой психологический трюк. Не нужно всерьез верить в то, что подвеска оказалась «волшебной».

– Но она мне и в самом деле принесла удачу! – удивленно пробормотала Лёка.

– Это ты сама себе ее принесла. Вернее, твой талант. Но если ты так расстроена потерей «талисмана», то я тебе сделаю новый. Не переживай!

Лёка не успела поблагодарить, потому что в этот момент ее окликнул отошедший от барной стойки молодой человек.

– Степан! – радостно прокричала певица и сделала приглашающий жест рукой.

– Привет, – весело поздоровался парень, подходя к столику. – Не ожидал тебя здесь встретить сейчас. Думал, ты – «ночная птичка», днем отсыпaeшьсeя дома.

– Как видишь... – развела руками Лёка и, так как молодой человек с интересом разглядывал ее собеседницу, представила ее: – Это – Инга.

– Твоя новая подруга? – нагло вoтo спросил молодой человек и сделал красноречивое движение бровями, намекая на нетрадиционную ориентацию певицы.

– Нет, не новая, – довольно резко ответила Лёка. – Мы знакомы давно, и Инга – просто моя подруга.

– А-а, понятно, – расхохотался молодой человек. – Значит, просто Инга. Извини, попутал. Сама понимаешь...

Он многозначительно не договорил и вновь вскинул брови. Инга ответила ему таким же нагловатым взглядом. Это был длинный, худой и прямой, как циркуль, парень лет тридцати в протертых до дыр джинсах и широком, будто снятом с чужого плеча, свитере; с длинными непромытыми патлами пегого цвета, стянутыми сзади аптечной резинкой, с нездоровой кожей и крупными желтыми зубами. В его янтарных глазах разливалась ленивая томность, но казалась она обманчивой, как безмятежность разомлевшего на солнце тигра.

– Это Степан, наш новый гитарист, – наконец-то представила его Лёка. И с восторгом выдохнула: – Он – чудо! Последняя находка Макара. Ты, Инга, обязательно должна прийти на наш концерт, чтобы убедиться в том, что Степан – гений! Что он с гитарой вытворяет – это надо только слышать.

– Я же сказала, что приду, – с улыбкой напомнила Инга. – А уж после таких слов – тем более.

– Буду стараться специально для вас, мадемуазель, – церемонно поклонился Степан и уселся на свободный стул. Судя по всему, он собирался развить знакомство, но Инга жестом подозвала официантку, чтобы расплатиться.

– Как, уже? – огорчились хором Лёка со Степаном.

– У меня через полчаса рабочая встреча. Так что, увы...

Степан запротестовал, говоря, что счет оплатит он. Но Инга решительно шелкнула кошельком и выложила банкноту.

– Ох уж этот феминизм, – недовольно процедил сквозь зубы парень и с упреком покосился на Лёку: – А тебя, моя дорогая, вообще не в ту степь занесло.

Дослушивать его Инга уже не стала, попрощалась и ушла.

* * *

Это был всегда один и тот же сон, сплетенный из нитей реальных событий, домыслов и тайных, но хлещущих бурным потоком во сне порочных желаний.

Он тихо, на цыпочках, входил в комнату, большую часть которой занимала огромная кровать, и видел девушку, сидящую к нему спиной. Падающий в открытое окно солнечный свет нежно очерчивал тонкий силуэт, повторяя в точности все его плавные изгибы. Было что-то священное в этой картине – заключенная, как в рамку, в золотое сияние обнаженная фигура. Святость и невинность, дьявольское искушение и порок.

Девушка слышала шаги, но не оборачивалась. Ее голая спина казалась безмятежной, но он по-звериному чувствовал разлитое в воздухе напряжение и страх.

Он делал три шага по направлению к кровати и замирал, любясь сливочной кожей, маленькой родинкой под правой лопаткой и светлым завитком волос, выбившимся из высокой прически и падавшим на шею. Он замирал не столько потому, что хотел продлить мгновение любования красотой этой девушки, а потому, что его парализовало желание немедленно кинуться к ней, с голодом вампира припасть к нежной шее, поймать губами непослушный завиток. А потом, опьянев от сладкого запаха кожи, вытащить из подобранных волос девушки шпильку и замереть на долю секунды от невыносимого восхищения, наблюдая, как светлые длинные волосы падают на обнаженную спину. Он представлял себе эту картину и чуть не стонал от возбуждения. А потом решительно шагал к девушке, протягивал руку и выдергивал из прически шпильку, ломая тем самым сдерживающую золотой поток плотину. Зарывав от несдерживаемого желания, он уже грубо хватал девушку за плечи и валил назад. Она падала послушно, как неживая кукла. И в ее глазах он видел пустое выражение, присущее манекенам. Это ему не нравилось, ему хотелось увидеть в ее взгляде мольбу и слезы. Поэтому он давал девушке пощечину. Звонкий звук удара ненадолго отрезвлял его, с жаркой мольбой он шептал извинения. Девушка смаргивала, но в ее глазах оставалась прежняя пустота. Он зверел и снова хлестал жертву по щекам, а потом, распаленный ее покорностью, грубо овладевал ею. И в этот момент понимал, что под ним – не живая девушка, а резиновая кукла. Разозленный обманом, он колотил кулаками по искусственной груди и на этом просыпался.

Каждый раз после такого сна он еще долго лежал в кровати, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы. Желание жгло так сильно, что вместо любви к этой девушке он испытывал приступ ненависти. Распаленное воображение рисовало сцены, в которых он видел ее морально раздавленной, униженной, с залитым слезами лицом, с мольбой в глазах. О, как бы ему хотелось видеть ее такой не в мечтах, а наяву! В ту ночь, единственную реальную, в которую они были близки, он заглядывал ей в лицо, надеясь увидеть в ее глазах эмоции. Пусть не любовь, а ненависть, не наслаждение, а страдание, но хоть что-то. И не последовавшие за той ночью трагические события разломили его жизнь на две неравные половины, а именно эта мертвая пустота в ее взгляде.

Скоро она снова будет его. Достанется ему как гран-при, а не в качестве милостыни судьбы, вырванной, выпрошенной, выманенной обманом. Он уже вступил в игру, сделал ставку и принял правила. Партия началась. Назад хода нет.

Глава 3

Расклад Инге не понравился. Не понравился настолько, что она, вопреки своему обещанию бросить курить, сорвала целлофан с новой пачки и решительно сунула в рот сигарету.

Время перевалило за полночь. Значит, скоро позвонит Лёка. Что же сказать ей? Впечатлительную подругу сообщение об опасности могло бы напугать, но утаить правду означало не предупредить.

Инга сделала несколько затяжек, затем затушила сигарету в пепельнице и помахала перед лицом ладонью, развеивая дым. Собрав карты, она потянулась всем телом и сделала небольшой круг по кабинету, сосредоточенно думая.

Вот почему она так отреагировала на заметку в газете! Почувствовала опасность, угрожающую подруге.

Ну что ж, Лёке она скажет так, как есть, но успокоит тем, что опасности можно избежать, если принять меры. Карты не предсказывали, они предупреждали и давали советы. Инге раньше выпадали и куда более пугающие комбинации, и все потом завершалось благополучно.

Помимо предупреждения об угрозе, карты дали совет Лёке дожидаться третьего предложения и не соглашаться на первые два.

Инга отправила подруге сообщение и подумала, что надо бы не столько приготовить Лёке новый талисман, сколько сделать хорошую охранку. Защиты являлись коньком Инги. Если бы не они, уже не было бы с ней ни любимого брата, ни его жены, ни Алексея. Грустные воспоминания непрошеными гостями на цыпочках скользнули в душу и, почувствовав, что их не гонят, расположились там со всеми удобствами. Инга забралась с ногами в глубокое кресло и, гипнотизируя лежащий на столе телефон, подумала, что сейчас бы отдала многое за чей-нибудь звонок. Ей стало вдруг одиноко и тоскливо, но не расклад был тому виной. Ей думалось об Алексее и Лизе. Что они сейчас делают в этот момент? Девочка наверняка уже спит, обнимая плюшевого медвежонка Тэдди. А Алексей, как обычно, засиделся допоздна в кабинете, просматривая документы, контракты и планируя новые сделки. Он очень уставший, под глазами залегли темные тени, лоб напряженно нахмурен. Он борется со сном, но хочет завершить все дела сегодня, потому что не любит оставлять нерешенные вопросы на завтра. «Новый день – новые дела», – так приговаривает он.

А может, Инга на это понадеялась, в эту самую минуту Алексей, оторвавшись от компьютера и устремив взгляд в черное окно, думает о ней. «Подумай обо мне, подумай! Я здесь, далеко, но близко, скучаю по тебе. Безумно скучаю!» – отправила она мысленный послыл. Подождала пять минут и, взяв со стола молчавший мобильный, набрала сообщение: «Я тебя люблю! Очень скучаю...» Обычно, когда она отправляла Алексею подобные послания, он тут же откликнулся, как бы занят ни был. Но прошло пять минут, а потом – десять, а телефон все молчал. Не было вестей ни от Алексея, ни от Лёки. Инга все это время сидела в кресле, зябко кутаясь в плед. И когда стрелки настенных часов выстроились в прямой угол, показывая три часа ночи, поняла, что ждать бесполезно. Завтра. Завтра будет новый день.

* * *

Его воспоминания были подобны старым фотографиям, пожелтевшим и выцветшим за давностью лет, но с каждым прожитым днем обретавшим все большую ценность. Не проходило вечера без того, чтобы он не доставал «альбом» своих воспоминаний и, бережно переверачивая «страницы», не просматривал всю историю с начала до настоящего дня. Он жил ею.

Он выжил в аду благодаря ей и даже сумел подняться из преисподней обратно на землю. Но в то же время именно эта история его сумасшедшей любви и толкнула его в пропасть.

И все же, если бы у него была возможность отмотать ленту жизни назад и оказаться на перекрестке двух дорог, он бы, даже зная, куда ведет этот путь, опять бы выбрал его. Просто без *нее*, этой девушки, его жизнь стала бы черно-белой и немой, как старое кино.

Он так долго был лишен возможности что-то о ней узнавать, что сейчас с одержимостью маньяка собирал любую информацию. Как набрасывается на еду изголодавшийся человек, так и он накидывался на журналы и газеты, проводил бессонные ночи в Интернете. Девушка стала довольно известной персоной, поэтому найти что-то о ней не представляло труда. Иногда он следил за ней, и слежка наполняла его жизнь смыслом. Жаль, что он полностью не мог посвятить себя этому делу: ему требовалось еще и есть, спать, зарабатывать какие-то деньги. Запросы его были невелики: за пять лет заключения он отвык от роскоши (впрочем, в роскоши он и раньше не жил), только желал, чтобы у него всегда был теплый угол и сытная еда. Крыша над головой у него имелась, пища тоже. И часть доходов он откладывал на свою мечту – профессиональную технику, чтобы получить больше возможностей следить за своей, как он ее называл, богиней. Возвышенное «Богиня» ему нравилось больше, чем ее имя: оно было таким же холодным и режущим, как ее взгляд – еще до того, как он увидел в нем пустоту.

Он мечтал о том, что однажды вновь заглянет в глаза этой девушки и увидит в них страх, мольбу и отчаяние. Грезил о струящихся по ее щекам слезах, и это видение заводило его даже больше, чем оставшийся в памяти запах ее кожи. Он обсасывал и смаковал свою мечту как леденец, играл с нею в кошки-мышки, пьянел от нее, как от опиума, вдыхал ее, подобно табачному дыму, и нежился в ней, как в пенной ванне. Да, черт возьми, он лишь мечтал о том, чтобы *она* стала простой смертной, а не *богиней*, спустилась с небес в ад, хлебнула страданий, как и он. Любовь к ней превратила его жизнь в пыль. Она же, наоборот, поднялась ввысь. Несправедливо!

Однажды репортаж в глянцевого журнальчике развеселил его до истеричного хохота. Многое бы он мог предположить, но не это. Его богиня оказалась лесбиянкой! Он катался по полу, держась за живот. Потом, когда приступ прошел, прикрепил вырезку кнопкой на стену и еще долго посмеивался, глядя на статейку и фотографии с какого-то концерта. Пусть он и был убежденным гомофобом, новость принесла ему хорошее настроение. Он понял, что *та* ночь не только расколола его жизнь, но и от ее тоже отбила важный кусок.

А однополюе связи вызвали в нем почти что бешенство... Он считал их ошибкой природы, неверным кодом, сбитой программой, чинить которую бесполезно, нужно лишь удалять, как вирус. Ну что ж, эта новость лишь добавила азарта и желания увидеть девушку поверженной. От первоначального плана похитить ее и подвергнуть физическим страданиям и унижениям он отказался: опыт той ночи говорил, что ничего, кроме пустоты в ее взгляде, он вновь бы не увидел. Играть нужно по другим правилам, на *ее* поле и *ее* же методами. Вот тогда он получит то, чего желает! Поняв, что одному не справиться, он нашел человека, которому доверился, как опытному режиссеру. За терпение и маленькую услугу ему пообещали грандиозное шоу. Ну что ж, пора занять место в партере и наслаждаться спектаклем.

* * *

– Лиза, ты мне расскажешь, что случилось?

Спустившись с высокого школьного крыльца вслед за дочерью, Алексей присел перед девочкой на корточки. Обняв ее за плечи, он заглянул ей в глаза. Лиза и любила, и не любила, когда папа вот так с ней разговаривал. Таким проникновенным взглядом он каждый раз надеялся вызвать ее на откровенность, но добивался прямо-таки противоположного эффекта. Лиза тушевалась, отводила глаза, хмурилась и молчала. Ей почему-то во взгляде отца читался укор:

мол, опять ты меня, дочь, огорчила. Пусть это и было не так, но Лиза ничего не могла с собой поделать: выдержать взгляд зеленых, как крыжовник, глаз, смотревших, казалось, в самую душу, ей было очень тяжело.

Но одновременно она любила, когда папа обращался к ней подобным образом. Его голос выражал искреннее беспокойство, и Лиза в этот момент как никогда понимала, что для отца нет никого дороже ее.

– Что случилось, принцесса? Чего ты испугалась? Валентина Ивановна очень встревожена.

Валентина Ивановна была Лизиной классной руководительницей. Молодая, еще неопытная учительница, недавно окончившая университет, тушевалась в обществе могущественного Лизиного папы и почти до дрожи боялась чем-то огорчить его дочь, так как Алексей Чернов славился не только своим бизнесом, но и крутым нравом. Возможно, узнай Лиза об этом страхе своей учительницы, да еще обладай она другим характером, как-нибудь повернула бы ситуацию в свою пользу. Но для Лизы Валентина Ивановна была авторитетом. Более того, классной руководительницы, казавшейся строгой из-за собранных в пучок волос и больших очков в толстой оправе, девочка побаивалась. Хотя и любила ее.

До недавнего времени Лиза Чернова обучалась на дому. Смерть мамы стала такой сильной травмой, что девочка лишилась возможности говорить. Из-за немоты Лиза не могла посещать обыкновенную школу, и весь ее круг общения свелся к обществу домработницы, приходящей учительницы да вечно занятого отца. А потом появилась Инга, и благодаря ее стараниям Лиза стала выходить из своей «скорлупы». А позже излечилась и от немоты.

С прошлой осени Лиза посещала обычную школу, где у нее даже появилась новая подруга – Ира Степанова. К новому образу жизни девочка быстро привыкла, только все еще тушевалась в обществе, да иногда стеснялась попросить помощи, если в этом нуждалась. Например, как случилось сегодня.

Началось все с потери ручки. Папа, зная увлечение дочери сагой о Гарри Поттере, подарил диковинную ручку в виде волшебной палочки с инициалами главного героя Поттерианы. Еще перед уроками Лиза гордо продемонстрировала подарок одноклассникам и сказала, что эта ручка – волшебная, которая не делает ошибок. Девчонки завистливо и удивленно ахнули, а Ира Степанова попросила позволения сегодня во время контрольного диктанта иногда заглядывать в Лизину тетрадь, чтобы сверять написанное. Лиза милостиво разрешила. Диктант был написан блестяще – то ли ручка помогла, то ли дело было во врожденной Лизиной грамотности, помноженной на любовь к чтению.

С русским языком проблем у Лизы не имелось. То ли дело – математика. На сегодняшний день была также назначена контрольная работа, и этого урока Лиза ожидала с беспокойством. По математике она шла на «четверку», но конечный результат зависел от этой контрольной: напишет Лиза ее на «отлично» – такую же оценку получит и за четверть. Девочка страшно волновалась, так как хотелось порадовать отца и Ингу табелем с отличными отметками. Вся надежда оставалась на «волшебную» ручку.

А когда начался урок, Лиза обнаружила пропажу. В пенале лежал простой карандаш, скучный ластик и запасная, ничем не примечательная ручка. А волшебная – исчезла. Лиза перетрясла портфель, внимательно осмотрела вокруг пол – напрасно.

– Что ты ищешь? – прошептала Ира.

– Ручку. Волшебную, – еле сдерживая слезы, пробормотала Лиза.

– Потеряла? – испуганно ахнула соседка по парте. Лиза обреченно кивнула. Ира, забыв о контрольной и ускользящем времени, как настоящая подруга принялась высказывать предположения, куда могла подеваться ручка. Но в этот момент девочек прервала учительница:

– Степанова, прекращай разговоры! Контрольная работа! Не мешай Елизавете!

– Я не мешаю, – пробормотала сконфуженная Ира. Но Валентину Ивановну это не успокоило:

– Вот что, Степанова, иди-ка сюда. Садись за первую парту, чтобы не мешать Черновой.

Лиза хотела было сказать, что Ира ей совсем не мешает. Но не осмелилась. Да и поздно уже было: подруга безропотно взяла портфель, тетрадь и потопала по проходу к первой парте. А Лизе стало совсем грустно: мало того, что ручка потерялась, так еще и подругу пересаживали. Хоть плачь! Но учительница права: время идет, пора браться за решение примеров. Лиза достала из пенала запасную ручку, открыла тетрадь и каллиграфическим почерком принялась выводить дату. Но не успела она закончить строчку, как ручка вдруг прекратила писать. Лиза растерянно потрясла ею, потом попыталась расписать на ладошке, подула на шарик и, не добившись эффекта, вытащила стержень. Тот оказался пустым. Похоже, Лиза перепутала дома две одинаковые ручки и взяла ту, что требовала замены стержня.

А одноклассники уже вовсю пишут контрольную! И тишина в классе стоит такая, что даже слышно, как шуршат ручки о бумагу. Лиза робко подняла руку, стараясь привлечь к себе внимание учительницы, но Валентина Ивановна погрузилась в чтение какой-то книги. Лиза беспомощно огляделась. Попросить громко о помощи, без поднятой руки, казалось ей преступлением против школьных правил. Ах, если бы Валентина Ивановна не пересаживала Иру! Подруга бы обязательно что-нибудь придумала. Для Иры, казалось, просто не могло быть безвыходных ситуаций. И еще она была храброй, верной, готовой всегда по-дружески помочь. Одним словом, идеальная подруга! Но сейчас, лишенная ее поддержки, Елизавета ощущала себя совершенно беспомощной, одинокой и потерянной. Она так и сидела с поднятой рукой очень долго, не решаясь нарушить тишину. От понимания, что урок подходит к концу, Лиза впала в отчаяние и расплакалась – тихо, чтобы опять же, не дай бог, кому-нибудь не помешать. Один раз Валентина Ивановна оторвала взгляд от книги и обвела рассеянным взглядом класс, но так как парта, за которой сидела Лиза, находилась далеко, учительница не заметила несчастного личика девочки и ее поднятой руки. Лиза уже не сдерживала слезы, которые скатывались со щек по шее за ворот свитера. Так бы она, возможно, и сидела до самого звонка, если бы тишину вдруг не разрезал пронзительный и оглушительно громкий голос Сережки Бабурина, сидевшего от Лизы через проход:

– А Чернова плачет!

Валентина Ивановна моментально оторвалась от книги и, встревоженно хмурясь, торопливо направилась к парте, за которой страдала Лиза.

– Елизавета, что случилось?

И тут девочку прорвало. Она зарыдала так отчаянно, так громко и так бурно, что напугала не только учительницу, но и одноклассников.

– Р... Р... Р...

От слез она не могла произнести ни слова, только трясла бесполезной ручкой и отрывисто рычала, пытаясь выговорить фразу: «Ручка не пишет». Внимание всего класса было приковано к Лизе, и девочка, понимая, что в довершение ко всему еще и сорвала контрольную, зарыдала сильнее. Какой незначительной проблема казалась изначально и в какое большое горе в итоге вылилась! Лиза никак не реагировала на просьбы учительницы успокоиться, только мотала головой, икала и размазывала слезы по опухшему от рыданий лицу. Кто-то принес ей стакан воды. Девочка приняла его, но так и не смогла сделать ни глотка, потому что зубы клацали о край стакана. Видя ее бесполезные попытки выпить воды, учительница осторожно забрала стакан из рук девочки и передала кому-то из учеников.

– Лиза, я позвоню твоему папе. Пусть он придет за тобой, – как можно мягче сказала Валентина Ивановна. Лиза ничего не ответила, но кивнула, соглашаясь.

...И вот сейчас отец сидел перед ней на корточках и, смешно морща лоб, заглядывал ей в лицо. От беспокойства его глаза стали зеленее незрелого крыжовника, такими же, как у

дворового кота Василия. И Лиза почему-то подумала, что глаза папы так же могут светиться в темноте, как у Василия. Эта мысль не напугала ее, а, наоборот, развеселила. И Лиза невольно улыбнулась.

– Улыбаешься... – ворчливо отозвался отец, вставая на ноги и беря дочь за руку. – Пошли прогуляемся. Хочешь, пойдем в кафе есть мороженое?

Лиза обрадованно кивнула и даже подскочила на месте от радости. Отец так редко бывает свободным! А когда выдается редкий выходной, он и его проводит, запершись в кабинете. В кафе Лиза ходила либо с домработницей Ниной Павловной, либо с кем-нибудь из школьных приятельниц в сопровождении их мам. Но это все было не то.

Еще ей очень хотелось ходить в кафе с Ингой, как прошлым летом. Оставалось ждать, когда наступят весенние каникулы и они с отцом уедут в Москву, где будет Инга и не будет папиной работы. И они втроем, почти как счастливая семья, станут проводить вместе все время. Гулять, ходить в кафе, играть в какие-нибудь игры, читать вслух книги или просто смотреть телевизор, забравшись с ногами на диван. Ах, как было бы хорошо, если бы Инга была с ними, а не жила так далеко! Лиза лелеяла тайную надежду, что когда-нибудь так и случится. Более того, собиралась уговорить старшую подругу приехать к ним в гости... и остаться.

– Я бы съел ванильное мороженое, – мечтательно произнес папа. А Лиза ответила, что она бы съела и ванильное, и ягодное, и шоколадное, и фисташковое.

– Не много ли? – выразил сомнение отец и смешно поднял одну бровь.

– Нет! – счастливо засмеялась Лиза. Пожалуй, ради такого радостного события, как поход с папой в кафе-мороженое, стоило пережить неприятный момент, связанный с потерей ручки и сорванной контрольной по математике.

– Лиз, так ты мне расскажешь, что у тебя там за горе страшное приключилось? – поймал ее отец в момент, когда она уже не ожидала подобного вопроса. Девочка мгновенно погрузилась и, тяжело вздохнув, призналась:

– Я ручку потеряла. Волшебную.

Глава 4

День шел совершенно не так, как был изначально запланирован. После почти бессонной ночи Инга встала поздно. Забыла о назначенном на утро визите клиентки и опомнилась, лишь когда позвонили в дверь. Сама она в этот момент еще находилась в ванной с зубной щеткой в руках и косметической маской на лице.

Клиентку Инга приняла, но была во время консультации так рассеянна, что не сразу поняла, чего от нее хотят. Молодая девушка лет восемнадцати-девятнадцати, представившаяся Кариной, рассказывала долго и путано, то и дело останавливаясь. И Инга, глядя в ее миловидное, но обезображенное вулканическими прыщами личико, раздражалась: ей хотелось поторопить клиентку, чтобы наконец-то докопаться до сути вопроса, с которым к ней пожаловали. Но параллельно сердилась на саму себя – за то, что никак не могла расположить себя к посетительнице, за то, что раздражалась на девушку, за то, что ее мысли блуждали где-то далеко. Нельзя так подходить к работе! Ее дело очень тонкое. Ювелирное, как однажды сказала одна из оставшихся довольными ее работой клиенток. «Вы – просто ювелир судеб!» – кажется, так выразилась та женщина.

Ювелир... Сейчас она напоминала себе дровосека, который грубыми взмахами топора рубил широкий ствол. «Соберись!» – скомандовала Инга себе. И в этот момент девушка наконец-то объявила, ради чего пришла:

– Я хочу, чтобы вы приворожили его ко мне.

Голос прозвучал с требовательными интонациями, но в карих глазах девушки разливалась такая надежда, что Инга почувствовала себя очень неловко. Под таким жалобно-просящим взглядом, похожим на собачий, трудно отказать. И все же она собрала всю волю в кулак и решительно ответила:

– Нет.

Получилось резко, Карина растерянно заморгала, словно получила неожиданную пощечину, затем потянулась ладонью к щеке, будто та и впрямь горела. Инга пожалела о своем тоне, с которым явно дала лишку, но девушка, уже собравшись, с вызовом выложила на стол кошелек:

– Я заплачу, у меня есть деньги!

– Лучше потратьте эти средства на хорошего косметолога, – ответила Инга – бестактно, но правдиво.

– Вы... Вы... – вспыхнула девица. И, обретя дар речи, завопила: – Вы – шарлатанка! В объявлении написано, что...

– В объявлении ничего о наведении приворотов не написано. Про снятие – да, – твердо отчеканила Инга. И, уже сбавляя обороты, мягко добавила: – Послушайте, Карина... Я умею делать привороты, но никогда за них не берусь. Сулите мне любые деньги, но я не стану так калечить ни вашу судьбу, ни того несчастного, которого вы решили привязать к себе подобным образом. Вы, конечно, можете разозлиться на меня и мои слова и обратиться к другому магу, который с радостью выполнит вашу просьбу. Но я вам не советую, по-доброму не советую. Таким способом вы не получите счастья, а искалечите две жизни – свою и любимого мужчины. Приворот – не выход.

– Но ведь это же делают, – растерянно пробормотала девушка и залилась краской. Румянец частично замаскировал ее прыщи, и она стала очень хорошенькой.

– Делают. Но это не проходит бесследно. Не себя накажете, так будущих детей.

– Что же мне делать? Я ведь его люблю...

– Займитесь собой, – искренне посоветовала Инга. – Вы очень симпатичная девушка, но вам нужно вылечить кожу. Простите за откровенность, лучше уж я вам скажу прямо то,

что вам не совсем приятно слышать, чем промолчу и тем самым толкну в лапы какого-нибудь проходимца, который в лучшем случае облапошит вас, а в худшем – искалечит вашу жизнь и молодого человека. Вы, конечно, можете меня не послушать – дело ваше, я вам – никто. Но если все же последуете моему совету, я буду очень рада. Как я уже сказала, потратьте ваши деньги на хорошего специалиста по коже. Уберете эту проблему, избавитесь и от других. Все ваши проблемы именно из-за комплексов по поводу кожи и неуверенности.

– Ну что ж, спасибо за совет, – сквозь зубы пробормотала Карина и недобро зыркнула на Ингу. – Сколько я вам должна за «прием»?

Последнее слово прозвучало с сарказмом. Инга и это проглотила. Развела руками и ответила:

– Нисколько. Я же не выполнила вашу просьбу.

Карина молча встала, сухо попрощалась и ушла. А у Инги остался неприятный осадок.

Ну что на нее нашло? Она хотела помочь девочке, но выбрала для этого совсем не те слова! Девчонка, видно, очень стесняется своей проблемной кожи, а она ей – прямо в лоб. Грубо сработано! Как бы теперь эта девочка действительно не отправилась к какому-нибудь шарлатану...

Этот случай с Кариной вызвал другие воспоминания – неприятные, о которых Инга предпочла бы забыть, но не получалось. И хоть в той истории она не была виноватой, полностью снять с себя вину за случившееся не могла.

Года два назад к ней пришла на прием молодая девушка – хорошенькая и приятная, хоть и держалась несколько высокомерно. Инга запомнила, как ее звали – Анастасия, это имя шло ей – беленькой, тоненькой, светлокожей. Девушка была несколько заторможенной, словно под действием медицинских препаратов, но на вопрос Инги, хорошо ли себя чувствует, сказала, что просто устала после бессонной ночи. Настя была начинающей солисткой какой-то музыкальной группы и накануне выступала в клубе чуть ли не до утра. Инга тогда не придавала значения деятельности девушки. Это было до знакомства с Лёкой, поэтому тема музыки еще не интересовала ее так остро.

Настя попросила разложить карты на нее и любимого человека – будут ли они вместе. Инга расклад сделала, но не увидела в нем желаемого клиенткой. Настя заметно огорчилась, по ее щекам даже потекли слезы. Но не успела Инга сказать что-нибудь в утешение, как девушка, решительно вскинув на нее синие глаза, сказала, что заплатит любые деньги за приворот. Инга отказала, потому что за такие дела не берется. А после сообщила Насте, что видит на ней результаты чужого вмешательства – кто-то, возможно, пытался навести на девушку либо порчу, либо приворот. Предложила снять и установить защиту. Настя согласилась. Инга, работая с ней, затратила не так уж много сил: вмешательство оказалось непрофессиональным, топорным, крупного вреда девушке бы не нанесло, но мелких неприятностей отсыпало бы щедро. Работу Инга завершила установлением защиты.

...А после она узнала – сейчас уже и не могла вспомнить откуда, – что эта Настя вскоре погибла. И хоть прямой вины Инги в том несчастном случае не было, напротив, она стремилась защитить девушку, новость, помнится, выбила ее из колеи надолго. Инга и так, и сяк анализировала свои действия – может, где-то ошиблась, когда выполняла обряд? Почему не сработала защита? Почему вообще погибла девушка? Ответа она так и не нашла.

Визит сегодняшней клиентки толкнул ее в пропасть горьких воспоминаний. Карина чем-то была похожа на ту девушку, Настю. Не внешне, а движениями, надменным взглядом, требовательной манерой разговаривать. Ну и просьбой о привороте.

Как бы чего не случилось и с этой глупышкой Кариной...

Настроения не прибавило и сообщение, полученное по электронной почте, в котором говорилось, что сайт восстановить удастся в ближайшие дни, но большая часть информации, выложенная на нем, окажется потерянной.

Инга в расстроенных чувствах прошла на кухню и в ожидании, когда заварится чай, зажгла сигарету.

Курение не принесло ей облегчения, напротив, теперь Инга корила себя за то, что поддалась слабости и вновь нарушила данное себе обещание.

Грустила она еще и потому, что ей до сих пор не перезвонил Алексей. Да и Лёка куда-то пропала – не объявляется. Инге было тревожно. К тому же сегодня ей привиделся какой-то беспокойный сон с бабушкой, которая всегда являлась лишь в двух случаях: когда Инге требовался совет или с предупреждениями. Так как Инга вчера ни о чем не просила бабушку, значит, старушка приснилась ей, чтобы сообщить что-то важное. Но, к сожалению, сон оборвался почти в самом начале, причем странно, помехами, похожими на телевизионные, как если бы Инга смотрела передачу по телевизору и в этот момент некто сломал антенну. Вот еще бабушка что-то ей говорит, а вот уже Инга видит мельтешащие черно-белые полосы. Ничего из сказанного бабушкой не запомнилось.

Она рассеянно бродила по помещению, кое-где стирая ладонью невидимую пыль. Квартира у Инги была большой, переделанной из двух. Одна половина жилая – там Инга спала, отдыхала, общалась с друзьями, вторая – рабочая. Сейчас она находилась в «рабочей» гостиной, в которой принимала клиентов. Эта комната обстановкой была похожа на гостиную в жилой части квартиры. Отличие состояло в том, что здесь находилась этажерка с книгами по магии и психологии, пара абстрактных, но приятных для глаза картин, полка с несколькими колодами карт и другими рабочими атрибутами. И, напротив, тут отсутствовал плазменный телевизор, да вместо пуфиков стояли глубокие удобные кресла. Но всем остальным комнаты были похожи: и цветовой гаммой в пастельных тонах, и минимальным количеством мебели, и огромными аквариумами с золотыми рыбками.

Инга покормила рыбок, поставила в музыкальный центр диск со звуками дождя, сделала еще один круг по комнате и вышла в длинный коридор, ведущий на жилую половину квартиры.

Кабинетов, как и гостиных, тоже было два. В одном Инга работала – проводила ритуалы, делала необходимые приготовления, изучала книги по магии и наукам, медитировала, раскладывала карты. Во втором скорее отдыхала: сидела в Интернете, читала на диване художественную литературу.

С квартирой ей помог дядя, вице-президент крупного банка, умерший год назад от рака.

– Колупаемся мы тут потихоньку. Без тебя скучно, но мы стараемся не пропасть, – с грустной улыбкой сказала Инга, остановившись перед фотографией дяди.

Они с Вадимом рано лишились родителей. Вначале ушел в мир иной папа, а потом – мама. До семнадцати лет двойняшек воспитывала бабушка, а потом Ингу с Вадимом позвал к себе в Москву дядя – папин брат. Он был когда-то женат, но развелся и всю свою жизнь посвятил работе, а потом – и повзрослевшим племянникам. Своих детей у него не было. Вызвав племянников в Москву, дядя помог им встать на ноги: содержал, пока они обучались в университетах. Потом обеспечил обоих жильем, а Вадима – престижной работой в банке, где до недавнего времени занимал пост вице-президента. Инга предпочла уйти «в свободное плаванье», выбрав частную практику психолога, как она говорила дяде. Долго она скрывала от него, что на самом деле занимается ворожбой, но потом все открылось, и, вопреки опасениям Инги, дядя принял занятие племянницы с юмором. Брат продолжал работать в банке, и его карьера двигалась довольно успешно благодаря стараниям самого Вадима. Брата угнетало то, что многие считали, будто ему в продвижении помогает дядя, поэтому он с особым рвением старался доказать обратное. Его усилия были вознаграждены, и вот Вадим, еще недавно занимавший должность простого специалиста в отделе кредитования, возглавил этот отдел.

Подумав о брате, Инга вспомнила, что до сих пор так и не получила от него ответа на письмо с рассказом о ресторане. Как Вадим и просил, она съездила по указанному адресу, пообедала на месте, переговорила с менеджером, посмотрела меню и зарезервировала зал.

Инга села в кресло, вытащила из кармана домашней курточки мобильный и позвонила брату.

– Да, да, сестричка, я все видел! Спасибо.

– Видел, а ничего не сообщил, – поддела его Инга. – Я сделала резерв на свой страх и риск, но мне бы хотелось знать и твое мнение.

– Как я тебе ничего не сообщил?! – удивился Вадим. – Еще вчера отписался: о'кей, принимается! Разве не получила мое письмо?

– Нет. Но раз ты согласен, то все в порядке. Кстати, Вадим, на субботу у тебя есть планы?

– План, как всегда, один – отоспаться, но это вряд ли осуществимо, потому что Иван нам не даст. А так... Ничего особого, думаю провести день дома, с Ларисой и сыном, сходить с ними погулять в парк, если погода позволит, а не позволит – пройтись по торговому центру. Пообедать где-нибудь. А что?

– На концерт не хотите сходить? К Лёке. У меня три приглашения!

– Значит, ты с ней встретишься... – подвел итог брат.

Скрывать не было смысла, и Инга честно в этом призналась.

– Ну что ж, дело твое... А насчет концерта – почему бы и нет! Когда? В субботу вечером?

– Да.

– Ну что ж, если родители Лары согласятся взять к себе внука на ночь, то вполне! Лариса, думаю, будет очень довольна. Она засиделась дома, грустит и скучает по активной жизни. Сейчас позвоню Ларе и обрадую ее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.